

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

© 2004 Г.Г. Слышкин

Волгоградский государственный университет

В рамках системного подхода, являющегося методологической основой современной культурологии, культура рассматривается как совокупность объективных и субъективных элементов [33; 34; 18]. “Объективные элементы культуры – это физические манифестации культуры, предметы, которые мы можем фактически увидеть и потрогать, такие как одежда, артефакты, посуда, пища и архитектура. Субъективные элементы культуры – все те аспекты, которые мы не можем увидеть или потрогать, но которые, как мы знаем, существуют, например, социальные нормы, обычаи, установки и ценности” [18, 43]. Сложность применения системного подхода обусловлена тем, что исследователь имеет дело лишь с объективными проявлениями культуры, основываясь на которых, он должен выявить специфику субъективных культурных форм, структурировать и классифицировать их. Объективным формам свойственна наблюдаемость, субъективным же – выводимость. В лингвокультурологии – науке о взаимосвязи культуры и языка – в качестве объективных элементов культуры выступает вся совокупность традиционно выделяемых языковых единиц (слов, фразеологизмов, текстов и т.д.). Субъективные элементы культуры, реализованные в языке, получили название лингвокультурных концептов.

Термин “концепт”, имеющий долгую историю, неоднократно подвергался переосмыслению. В научном дискурсе он утвердился в Средневековье в ходе спора об общих понятиях (“универсалиях”). Концептуалисты – сторонники направления схоластической философии, основанного Петром Абеляром, – доказывали, что универсалии не существуют в виде физических явлений (как утверждали сторонники реализма), но и не являются только “сотрясением воздуха” (как характеризовали их сторонники крайнего номинализма), а представляют собой продукт познавательной деятельности человека, т.е. концепт. Концепты, в понимании Абеляра, предстают как логико-лингвистические категории, образующие мост между миром мысли и миром бытия. При этом они не всегда имеют основание в реальной природе вещей, но могут являться искаженными образами действительности [23, 454-456; 24, 109-114]. Таким образом, в центре

внимания философа оказывалась не вещь, не слово как звучание голоса, а слово как значение. Как отмечает С.С. Неретина, Абеляр вовсе не отождествлял концепт с понятием, как это делалось в последующей логико-философской традиции [19, 143]. Для Абеляра концепт предельно субъективен, связан не с языковыми структурами, но с речью, ориентирован на адресата, формируется под влиянием не только логических процедур абстрагирования, но также чувственного опыта и воображения.

В дальнейшем термин концепт был востребован в основном в математической логике и логической семантике, где он отождествлялся с понятием, смыслом имени или интенционалом [30; 32; 13]. В рамках этих направлений концепт понимался как результат логических операций анализа, синтеза, сравнения, абстракции и обобщения, лишившись таким образом характеристик субъективности, диалогической ориентированности и неоднозначности. Крайним проявлением логистического понимания концепта стало толкование его как сущности более высокого уровня абстрактности, чем понятие, как результата не прагматических обобщений воспринимаемой действительности, но лишь научного исследования определенного материала [25, 246-247].

Характерная для XX века тенденция к взаимопроникновению различных областей знания вызвала потребность в единице, сводящей во едино результаты различных познавательных процессов и ментальных операций, опредмеченных в языке и эксплуатируемых в коммуникации. Такой единицей стал концепт, при изучении которого произошло обобщение ряда аспектов лингвокогнитивной деятельности, прежде рассматривавшихся изолированно. В лингвоконцептологическом исследовании в неразрывном единстве стали рассматриваться следующие феномены:

1. Языковое и энциклопедическое значения слова. Данное обобщение основывается на выдвинутом А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским постулате о нерелевантности противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания в рамках когнитивного исследования: “Когнитивная лингвистика, обращаясь к

категории знания как базовой, снимает противопоставление лингвистического и экстралингвистического, позволяя исследователю использовать один и тот же метаязык для описания знаний различных типов” [3, 15].

2. Результаты логико-понятийного и образного осмысления действительности. Первоначально возникло противопоставление “познавательный концепт – художественный концепт” [1], затем понятийный и образный элементы стали включаться в структуру единого концепта [10; 15; 6; 7]. При этом отмечается возможность неравномерной реализации данных элементов в различных типах дискурса: если в бытовом общении обычно доминирует понятийный элемент, то для поэтического дискурса более актуален элемент образный [9; 28].

3. Различные моделируемые структуры сознания (фрейм, гештальт, схема, сценарий (скрипт), пропозициональная структура и т. д.). Данные феномены стали рассматриваться как гипонимы концепта [2; 21; 4] или как части по отношению к целому [17; 11; 22].

Характерно, что параллельно концептуализму в лингвистике стало развиваться одноименное направление в искусстве, осуществляющее обратное движение от конкретно-чувственного восприятия к интеллектуальному осмыслению. “Концептуализм претендовал на роль феномена культуры, синтезирующего в себе науку (в первую очередь гуманитарные науки – эстетику, искусствознание, лингвистику, но также и математику), философию и собственно искусство в его новом понимании (арт-деятельность, артефакт). На первый план в концептуализме выдвигается концепт – формально-логическая идея вещи, явления, произведения искусства, его вербализуемая концепция, документально изложенный проект. Суть арт-деятельности усматривается концептуализмом не в выражении или изображении идеи (как в традиционных искусствах), а в самой “идее”, в ее конкретной презентации, прежде всего, в форме словесного текста, а также сопровождающих его документальных материалов типа кино-, видео-, фонозаписей” [5, 326]. Таким образом, можно констатировать, что в категории “концепт” нашла выражение потребность в синтезе различных форм культуры, прежде ориентированных на взаимопротивопоставление.

В лингвистическом концептуализме дифференцируются два основных направления – когнитивное и лингвокультурологическое. Как отмечает В.И. Карасик, данные подходы не являются взаимоисключающими: “концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конеч-

ном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. Иначе говоря, эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию” [10, 139]. Принципиальные различия связаны с отношением концепта и языкового знака:

- для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, т. е. может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка и речи;

- для когнитивиста любому слову соответствует свой концепт (в т.ч. служебным словам, например, концепт союза *но*, и научным терминам, например, концепт *биссектрисы*); для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурнозначимых единиц (ограничение может производиться на различных основаниях, например, для С.Г. Воркачева концептами являются лишь абстрактные сущности [6], для В.П. Нерознака – феномены, обозначаемые безэквивалентными лексемами [20]).

Общепризнанным свойством концепта стала его многомерность [26; 17; 10; 11; 15; 6; 7]. Многомерность предполагает необходимость построения более чем одной исследовательской модели для адекватного изучения свойств данного феномена. Мы полагаем, что основные характеристики лингвокультурного концепта могут быть выявлены при комплексном изучении его в рамках трех моделей:

1. Модель взаимодействующих способов познания;
2. Модель ассоциативных связей языковых единиц и значений;
3. Модель разноуровневого языкового воплощения.

Модель взаимодействующих способов познания основывается на предложенной В.И. Карасиком триаде понятийного (фактуального), образного и ценностного элементов в структуре концепта [10]. Наличие первых двух элементов сводит воедино два основных способа осмысления действительности. Третий (ценностный) элемент, который, собственно, и делает концепт концептом, дает возможность включить данную единицу в общий культурный контекст.

Представляется оправданным дальнейшее членение данных элементов. Внутри ценностного элемента могут быть выделены аспекты оценочности и актуальности. Аспект оценочности

находит выражение в наличии оценочной составляющей в денотате языковой единицы, являющейся именем концепта, в свойственных этой единице оценочных коннотациях, в сочетаемости этой единицы с оценочными эпитетами. Аспект актуальности реализуется в количестве языковых единиц, являющихся входами в данный концепт, в частотности их употребления в реальной коммуникации, в способности данных единиц становиться источником метафорического переноса. Рассмотрим следующий пример:

Война научила нас любить оружие, ценить в нем красоту линий, всякие там загадочные и не поддающиеся анализу качества вроде "ухватистости" и "прикладистости"; мы умели находить душу и характер в каждом виде военной техники; мы называли грубые, решетчатые железные установки "катюшами", их завывание нравилось нам; ... мы выросли среди страшной, убийственной военной техники и не могли не сродниться с нею, не придать ей человеческие свойства (В. Смирнов).

В данном отрывке реализуется концепт "оружие", существовавший в сознании советских солдат эпохи Великой Отечественной войны. Аспект оценочности проявляется в возникновении в их дискурсе эпитетов *ухватистый* и *прикладистый*. Аспект актуальности – в появлении новых интимно-ласковых обозначений вооружения (ср. в армейском жаргоне того же времени: *андрюша* – 'реактивный миномет', *матушка* – 'самоходная артиллерийская установка' [14]).

Акцентуация ценностной составляющей в структуре концепта сближает концепт с философской категорией ценности. Однако между философской и лингвистической репрезентацией ценностей есть существенное различие. Философия в основном рассматривает позитивные ценности (ср., например, известную ценностную триаду "истина – добро – красота"). Для языка же, с его утилитарной направленностью, более актуальными оказываются антиценности. Это проявляется, во-первых, в количественном доминировании отрицательно оценочных слов (подсчитано, что в словаре С.И. Ожегова из существительных, которые могут быть отнесены к человеку, на одно слово с позитивной оценочностью приходится двадцать слов с негативной [27, 5]), во-вторых, в способности большинства позитивно оценочных слов приобретать негативный смысл в составе стилистической фигуры иронии (у слов с пейоративным значением эта способность проявляется гораздо реже).

Фактуальная составляющая, моделируемая как совокупность пропозиций, включает информационные совокупности трех видов:

1) повседневное знание, воплощенное в языковых дефинициях (*Огурец – продолговатый зеленый огородный овощ; Мудрый – одаренный большим умом и знанием жизни*);

2) элементы научного знания и общей эрудиции (*Волга впадает в Каспийское море; Колумб открыл Америку, но сам не узнал об этом; Формула воды – H₂O*);

3) стереотипные и прототипические структуры (*Шотландцам свойственна жадность; В Африке постоянно жарко; Иномарка – признак богатства*).

Образная составляющая включает две группы элементов:

1) внутренние формы языковых единиц (*медведь* – 'едящий мед', *застолье* – 'происходящее за столом');

2) образы, закрепленные в авторских или фольклорных прецедентных текстах (*кошка, гуляющая сама по себе* → *кошка* как олицетворение независимости).

Рассмотрим моделирование концепта как совокупности ассоциативных связей языковых единиц и их значений. Концепт является системным образованием и, как всякая система, имеет вход и выход (термины, производные от англ. input и output [29]). Вход системы – точки приложения воздействий среды (взаимодействующих систем), выход системы – точки, из которых исходят реакции системы, передаваемые среде (взаимодействующим системам). Средой, в которой существует концепт, является национальная концептосфера, взаимодействующими системами – другие концепты. Взаимовлияние системы и среды (системы и окружающих систем) осуществляется путем ассоциативного обмена языковыми единицами, в которых предмечиваются концепты. Возможность этого обмена обусловлена феноменом вторичных (переносных) и фразеологических значений. Совокупность входов в концепт мы будем обозначать как интразону концепта, а совокупность выходов – как экстразону концепта. В качестве примера рассмотрим концепт "медведь" на материале словаря В.И. Даля [8]. Обратимся сначала к интразоне концепта:

медведь т. е. медолюб. На Руси их два вида: белый, ледовитый, ошкуй, Ursus maritimus, и бурый, Ursus fuscus; этому дано много бранных и почетных кличек: бирюк (чаще зовут так волка), симб. аю, аев (татарск.), зверь, черный зверь, лапистый зверь, лесник, раменский, урманский (татарск.), ломака, ломыга, костоправ, Михаилу Иваныч Топтыгин, косолапый, куцый,

куцык, косматый, космач, мохнатый, мохнач, лешак, леший, лесной черт, черная немочь; мишка, мишук, потапыч, сергацкий барин, лесной архимандрит, сморгонский студент (в Серчаге и Сморгонах обучали медведей). Охотники различают три породы бурого медведя: стерженик, стержятник, самый большой и плотоядный; овсяник, средний, охотник до овса, малины, кореньев; муравьятник, муравейник, самый малый и злой, черный, молодой с белесоватым ошейником. Перегодовалый медведь называется пестун, а старый – пест.

Мы видим, что для носителя русского языка эпохи создания словаря концепт “медведь” обладал обширной интразоной. При этом референтом концепта был лишь вид *Ursus fuscus* – бурый медведь. Белый медведь, слабо знакомый русскоязычному населению, не стал основой для лингвокультурного концепта. Наименования бурого медведя демонстрируют множественность ассоциативных связей, в которые вовлечен данный концепт:

- любимая пища → *медведь*;
- форма и размер стопы → *косолапый, лапистый зверь*;
- форма хвоста → *куцый, куцык*;
- сила → *ломака, ломыга, костоправ*;
- обилие шерсти → *косматый, космач, мохнатый, мохнач*;
- главенствующее положение в лесу → *лесник, лесной архимандрит*;
- места дрессировки → *сергацкий барин, сморгонский студент* и т. д.

Характерно, что у охотников, т. е. профессиональной группы, непосредственно сталкивающейся с животным, интразона концепта более обширна и концептуализация более детальна (выделяются виды медведей).

Обратимся к экстразоне концепта. В.И. Даль приводит следующие вторичные значения лексемы *медведь*:

Медведь – каток, для укатки дорог, молотильного тока; также каток молотильный. | Кофе с ромом или водкою. | Пуши со сливками или с яйцами. | Медведь, у купцов, залежавшийся товар, не идущий с рук.

Кроме того, лексикограф приводит ряд фразеологических и паремиологических оборотов, содержащих лексику *медведь*:

В медведе думы много, да вон нейдет. Силен медведь, да в болоте лежит. Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы! Хозяин в дому, что медведь в бору: хозяйшук в дому, что оладья в меду. Богатый силен, что медведь. Хозяин в дому, что медведь в бору: что как хочет, так ворочает. Медведь по коро- ве съедает, да голоден бывает: кура по зерну

клюет, да сыта живет. Не прав медведь, что корову съел: не права корова, что в лес зашла. Медведь корове не брат. Тот же медведь, да в другой шерсти. Брови, что медведь лежат, густые. И космато, да не медведь. Бей медведя, не бей медведчика (охотника); Счастлив медведь, что не попался стрелку: и стрелок счастлив, что не попался медведю! Не продавай шкуры, не убив медведя. Где медведь, там и шкура. Волк и медведь не умываючись здоровы живут. Кто видал, чтоб медведь летал: он пеший, как леший! Два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся).

В экстразону рассматриваемого концепта входят следующие ассоциации:

- сила → *каток, для укатки дорог; Силен медведь, да в болоте лежит; Богатый силен, что медведь; Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы!*;
- лень, нежелание двигаться > *залежавшийся товар; Силен медведь, да в болоте лежит*;
- опасность → *Счастлив медведь, что не попался стрелку: и стрелок счастлив, что не попался медведю!*;
- обилие шерсти → *Брови, что медведь лежат, густые. И космато, да не медведь*;
- главенствующее положение в лесу → *Хозяин в дому, что медведь в бору: что как хочет, так ворочает* и т. д.

Ряд ассоциаций (сила, обилие шерсти, главенствующее положение в лесу) могут классифицироваться как сквозные, т. е. проникающие как в интразону, так и в экстразону концепта.

Модель разноуровневого языкового воплощения основывается на предложенной Ю.Н. Карауловым классификации репрезентаций естественного языка. Исследователь выделяет три ипостаси, три образа языка:

- язык как совокупность текстов, т. е. как результат речевой деятельности носителя;
- язык как системное образование, т. е. упорядоченный и взаимосвязанный, но статический перечень единиц, установленный лингвистами (прежде всего, лексикографами);
- язык как компетенция наивного носителя языка, т. е. язык в потенции, язык, не реализованный в текстах, но готовый к такой реализации [12, 7-9].

Ю.Н. Караулов характеризует язык-способность как потенцию, а язык-текст и язык-систему как результаты. Для моделирования лингвокультурного концепта отношения между типами репрезентации языка целесообразно сформулировать по-другому. Лингвокультурный концепт существует в трех уровнях:

- 1) как системный потенциал, т. е. совокупность средств апелляции к концепту, предлагае-

мых носителю языка культурой, как накопленное культурой лингвистическое достояние, зафиксированное в лексикографии;

2) как субъектный потенциал, т. е. арсенал языковых средств, хранящихся в сознании индивида. Данный уровень более узок, чем предыдущий, в том смысле, что ограниченность памяти и различия в образовательном уровне не позволяют каждому индивиду овладеть всей совокупностью языковых средств, апеллирующих к тому или иному концепту. Однако он более обширен в том смысле, что в нем появляются новые единицы и связи между ними, которые еще не получили фиксации на первом уровне. Уровень системного потенциала всегда является вторичным и запаздывающим по отношению к уровню субъектного потенциала;

3) как текстовые реализации, т. е. апелляции к концепту в конкретных коммуникативных целях. Если предыдущие уровни воссоздаются искусственно (первый – при составлении словарей и справочников, второй – путем лингвистического эксперимента), то данный уровень является естественным существованием концепта, отражающим его свойство диалогической направленности. Но этот уровень является и наименее упорядоченным: в каждом конкретном случае текстовой реализации мы имеем дело лишь с незначительной частью концепта, которая оказывается востребована для воплощения определенной коммуникативной потребности. В рамках третьего уровня единый концепт, существующий в культурной и индивидуальной памяти, распадается на подконцепты, функционирующие в отдельных жанрах и дискурсах.

Описанные способы моделирования концепта не являются единственно возможными. Однако они дают представление о трех основных системных измерениях концепта: о концепте как совокупности процессов познания и оценки, о концепте как процессе языкового ассоциирования и о концепте как движении от культурной и индивидуальной потенции к текстовой реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология/С.А. Аскольдов; Под ред. проф. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - С. 267-279.
2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1996.
3. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики /А.Н. Баранов,

- Д.О. Добровольский // Известия АН. Серия литературы и языка. - 1997. - Т. 56, № 1. - С. 11-21.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика/Н.Н. Болдырев. - Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
5. Бычкова Л.С., Бычков В.В. Концептуализм, концептуальное искусство/Л.С. Бычкова, В.В. Бычков // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. - СПб.: Университетская книга; 000 "Алетейя". – Т. 1. - 1998. - С. 325-327.
6. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа/ С.Г. Воркачев. - Краснодар: Техн. ун-т КубГТУ, 2002.
7. Воркачев С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели)/ С.Г. Воркачев. - Волгоград: Перемена, 2003.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка/ В.И. Даль: в 4-х т. - М.: Русский язык, 1981-1982.
9. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка/В.Г. Зусман. - Нижний Новгород: Деком, 2001.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
11. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж: ВГУ, 2001. - С. 75-80.
12. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть/ Ю.Н. Караулов. - М.: ИРЯ РАН, 1999.
13. Карнап Р. Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике/ Р. Карнап. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
14. Коровушкин В.П. Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII-XX веков / В.П. Коровушкин. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
15. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н.А. Красавский. - Волгоград: Перемена, 2001.
16. Кубрякова Е.С. Концепт / Е.С. Кубрякова // Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996. С. 90-92.
17. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центркоцепта. - Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. - Вып. 1. - С. 11-35.
18. Мацумото Д. Психология и культура/ Д. Мацумото. - СПб.: Прайм-Евразия, 2002.

19. Неретина С.С. Абелья и Петрарка: пути самопознания личности (текстологический анализ) / С.С. Неретина // Вопросы философии. 1992. - № 3. - С. 134-160.
20. Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. - С. 80-85.
21. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие "концепт" в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж, 1999.
22. Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт "приватность" (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук/О.Г. Прохвачева. - Волгоград, 2000.
23. Рассел Б. История западной философии / Б. Рассел: в 2 т. - М.: "Миф". - Том 1. - 1993.
24. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Средневековье/ Дж. Реале, Д. Антисери: в 2 т. - СПб.: ТОО ТК "Петрополис". - Том 2. -1994.
25. Соломоник А. Семиотика и лингвистика /А. Соломоник. - М.: "Молодая гвардия", 1995.
26. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997.
27. Стернин И.А. Проблема сквернословия / И.А. Стернин. - Туапсе: ГУП "Туапсинская типография", 2000.
28. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект/ И.А. Тарасова. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003.
29. Трифонов Е.В., Трифонов И.Е. Психология профессиональной деятельности. Словарь / Е.В. Трифонов, И.Е. Трифонов. - СПб., 1998.
30. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика /Г. Фреге. - Вып.8. - М.: ВИНТИ, 1977.
31. Фрумкина Р.М. Константы культуры – продолжение темы / Р.М. Фрумкина // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. - М.: Языки славянской культуры, 2001. - С. 167-177.
32. Черч А. Введение в математическую логику /А. Черч. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
33. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A critical review of concepts and definitions. Cambridge, MA: Peabody Museum, 1952.
34. Triandis H.C. The analysis of subjective culture. N.Y.: Wiley, 1972.